

Э.Я. БАТАЛОВ*

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС-XXI: ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Кризис, разразившийся в 2007 г. и охвативший практически все страны мира, принято характеризовать, во-первых, как мировой, во-вторых, как экономический (варианты: финансовый, финансово-экономический). Характеристики справедливые, но, как представляется, неполные.

Нынешний кризис не просто мировой. Это первый в XXI веке и вообще в истории человечества кризис, который со всей определённостью можно назвать *глобальным*¹. Понятия «мировой» и «глобальный» используются нередко как синонимы, однако их отождествление не всегда допустимо. Мировой – значит охвативший мир, но не обязательно весь, т.е. не обязательно *всемирный*. Кризис 20–30-х годов XX века был мировым, но всемирным он не был. Не случайно его характеризовали порой как кризис мирового капиталистического хозяйства, ибо Советский Союз он не затронул.

В условиях глобализации, охватившей, пусть в разной степени, едва ли не все страны и усилившей их взаимосвязь, мировой кризис неизбежно распространяется практически на весь мир, т.е. становится глобальным. Крупных «островов стабильности» – статус, на который поначалу по наивности и неопытности претендовала Россия, – в условиях столь масштабного кризиса, справедливо охарактеризованного Нобелевским лауреатом по экономике П. Кругманом как «беспрецедентный»², не остаётся.

Учёт различий между понятиями «мировой» и «глобальный» существенен для понимания истоков, истинных масштабов и качества нынешнего кризиса. Его единственным виновником часто называют Соединённые Штаты Америки, забывая при этом, что финансово-экономическая политика этой страны осуществлялась в глобальном контексте, т.е. поддерживалась, а где-то и провоцировалась финансово-экономической политикой других стран – и не только развитых. Как утверждает в этой связи отечественный экономист В. Иноземцев, развивающиеся страны активно поучаствовали в надувании американского финансового пузыря, «накопив за 1999–2007 гг. 4,7 трлн. долл. резервов, и

* БАТАЛОВ Эдуард Яковлевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН. Copyright © 2009.

¹ Справедливости ради следует оговориться, что некоторые исследователи, описывая современный кризис, характеризуют его одновременно и как «мировой», и как «глобальный», однако специфики этих понятий не раскрывают, так что остается только гадать, какой смысл вкладывается в каждое из них и чем они отличаются друг от друга.

² Krugman P. Stuck in the Muddle. – «The New York Times», 23.01.2009.

до последнего поддерживали нарастание торговых и платёжных дисбалансов, собственно и спровоцировавших кризис»³.

Конечно, Соединённые Штаты сыграли очень важную роль в возникновении первого глобального кризиса, но он явился итогом интегральной, хотя во многом и хаотичной, деятельности множества стран мира (включая Россию и Китай), пусть их «вклад» в формирование кризисных процессов был далеко не одинаков и несопоставим с «вкладом» США. Но и выход из кризиса, по-видимому, тоже возможен не иначе, как через совместную, но уже не хаотичную, а согласованную деятельность стран, которые могли бы составить в сумме минимум три или четыре «восьмерки».

Это не надо понимать так, что все начнут действовать по единому, согласованному на каком-то глобальном форуме плану. На нынешнем этапе развития событий выработать такой план попросту невозможно, даже если премьеры и президенты 30–40 стран только и занимались бы его составлением. Невозможно по причине несовпадения национальных интересов, различия финансовых и экономических потенциалов, внутренней политической и экономической ситуации и т.п. По-видимому, каждая страна будет искать индивидуальные пути выхода из кризиса, осуществляя манёвр, который подскажет существующее в ней положение дел. Однако при этом чрезвычайно важно согласовывать эти планы и маневры, договариваться о каких-то общих ходах, принципах и правилах игры (пусть временных), устанавливать общие табу – пусть тоже временные. Глобальный кризис принуждает к глобальным поискам путей выхода из него.

Второе уточнение касается содержания глобального кризиса-XXI. Профессор Преображенский в «Собачем сердце» Михаила Булгакова утверждал, что истоки наблюдаемой в обществе разрухи следует искать в головах людей, т.е. в общественном сознании. Это справедливое утверждение в полной мере относится и к рассматриваемому нами феномену. Любой социальный кризис – не только кризис институтов, стратегий, политик и т.п. Это ещё (а в некоторых случаях – прежде всего) кризис идей, представлений, установок, ориентаций – словом, того, что мы обобщённо именуем сознанием и что нередко находит отражение в идеологиях – официальных и неофициальных.

Так и на этот раз. Перед нами не просто кризис финансово-экономических структур и практик, сложившихся в основном либо на базе опыта «после-холодно-военных» лет, либо даже на базе опыта периода «холодной войны». Перед нами ещё и кризис экономического сознания, сформировавшегося в те же годы и получившего воплощение в этих структурах и практиках.

Но это лишь одна сторона дела. Глобальный кризис-XXI не ограничивается финансами и экономикой. Он распространяется на другие сферы общественной жизни, причём, опять-таки, и на институциональном уровне, и на уровне общественного, включая массовое, сознания.

Мы стали свидетелями кризиса действующих моделей глобализации, мирового порядка и управления глобальными процессами; кризиса модели взаимодействия рынка и государства, действующей в большинстве развитых стран

³ И н о з е м ц е в В. Без компаса и парусов. – «Независимая газета», 2.02.2009.

мира; кризиса стратегии природопользования и взаимодействия с окружающей средой и т.п. Но одновременно мы стали свидетелями кризиса современного политического, правового и нравственного сознания (получившего отражение в неоллиберальной и неоконсервативной идеологиях, хотя и не только в них), которое породило и легитимизировало эти модели и стратегии.

Важно иметь в виду, что проявления кризиса-XXI во всех сферах и на всех уровнях тесно переплетены, дополняя и обуславливая друг друга. Так что необходимость преодоления финансово-экономического кризиса диктует и необходимость действия сразу на нескольких фронтах, что, похоже, остаётся тайной для многих экономистов, финансистов и политиков.

Всё это требует широкого обстоятельного обсуждения проблемы с участием философов, социологов, политологов, правоведов. Что касается предлагаемых заметок, то акцент в них делается на тех идейно-политических аспектах глобального кризиса-XXI, которые особенно отчётливо проявились в сфере международных отношений и напрямую касаются США.

Что такое кризис

Однако прежде чем перейти к анализу нашего объекта исследования, необходимо остановиться на одном вопросе общего характера, требующем специальных разъяснений. Это вопрос о феномене кризиса как такового, ибо, судя и по текущим публикациям, и по научной (включая справочную) литературе, понятие «кризис» ещё не воспринимается как строгая универсалистская категория, призванная зафиксировать общие глубинные константы знания, раскрывающие сущность рассматриваемого феномена. Проще говоря, экономисты, философы, социологи, специалисты в области политической науки, культурологи вкладывают в данное понятие разное содержание. Больше того, это содержание нередко интерпретируется по-разному в зависимости от вида кризиса.

Возьмём экономистов. Финансовый кризис они понимают как «глубокое расстройство государственных финансов, вызванное войнами или другими чрезвычайными экономическими и политическими событиями». «Кризисы денежно-кредитные» описываются как «потрясения... кредитно-денежной системы...»⁴, а «кризис экономический» – как «резкое ухудшение экономического состояния страны...»⁵.

Или взять специалистов в области политической науки. Для них кризис власти – это «резкий крутой поворот в развитии власти и её судьбах, тяжелое переходное состояние», «резкое обострение трудностей в деятельности того или иного властителя, системы или органа власти...»⁶. «Кризис политический» определяется как «*особое состояние* в развитии и функционировании политической системы общества, и, прежде всего, её государственно-властных структур, характеризующееся нестабильностью, разбалансированностью деятельности поли-

⁴ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Гл. ред. А.М. Румянцев. Т. 2. М., 1975, с. 311–312.

⁵ Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М., 1998, с. 175.

⁶ Политическая энциклопедия. В 2-х томах. Рук. проекта Г.Ю. Семигин. Т. 1. М., 1999, с. 590.

тических институтов, снижением уровня управляемости всеми сферами жизни общества, нарастанием социально-политической активности масс»⁷.

Согласно другому толкованию, кризис политический представляет собой «неспособность политической системы в целом или отдельных её структур и элементов к изменению в соответствии с новыми формами политического участия и социально-экономическими требованиями населения»⁸. Или вот такое определение: «кризис в политике – перерыв в нормальном функционировании какой-либо подсистемы в политической системе общества или всей системы в результате такого воздействия внешних или внутренних факторов, которое делает неадекватным (невозможным) дальнейшее функционирование системы»⁹.

Но это касается не только отечественных авторов. Вот, например, известный «Политический словарь» Уолтера Реймонда. Из него мы узнаем, что «на политическом языке внезапное нарушение (*sudden disruption*) правительственного процесса (вследствие революции, восстания, смерти, отставки или смещения правителей), равно как и роспуск правительства (по причине недоверия к нему или в результате распада коалиции) могут означать правительственный кризис»¹⁰.

Можно было бы и продолжить данный ряд, но качественного прироста новые определения (в чем убедился автор этих строк) не дадут. Впрочем, уже из приведённых дефиниций и толкований видно, что понятие «кризис» используется применительно к самым разным объектам – политической, экономической, банковской системе, правительству, парламенту. Можно добавить, что рассматриваемый термин используется в искусстве, медицине, да практически во всех сферах деятельности человека. И при этом характеризует состояние этих объектов, описываемое – напомним – с помощью таких понятий, как «глубокое расстройство», «резкое ухудшение», «разбалансированность», «снижение уровня управляемости», «нарушение процесса», «перерыв в нормальном функционировании» и т.п.

Это, говоря строго, не вполне тождественные состояния. Но нет ли между ними какой-то глубинной внутренней связи, которая, оказавшись зафиксированной на интуитивном уровне, даёт нам право идентифицировать их как кризисы? По мнению Джеймса Робинсона, автора статьи в авторитетном энциклопедическом международном издании, «“кризис” – это непрофессиональный термин, пребывающий в поисках научного значения. Одни учёные используют его как синоним стресса, паники, катастрофы, бедствия, насилия или потенциального насилия. Другие, прибегая к медицинской коннотации, рассматривают его как “поворотный пункт” между благоприятным и неблагоприятным изменением в состоянии организма»¹¹. И вот неутешительный вывод: «из-за разли-

⁷ Там же.

⁸ Введение в политологию: словарь-справочник. Сост.: Г.Л. Купряшин, Т.П. Лебедева, Г.И. Марченко и др. Под ред. В.П. Пугачева. М., 1996, с.102.

⁹ О л ь ш а н с к и й Д.В. Политико-психологический словарь. Москва, Екатеринбург, 2002, с. 224.

¹⁰ R a y m o n d W. Dictionary of Politics. Brunswick, 1992, p. 111.

¹¹ International Encyclopedia of Social Sciences. Vol. 1, p. 510.

чия значений термин “кризис” не является полезным при построении “систематического знания” о социальных феноменах»¹².

Наверное, и в самом деле было бы лучше не пользоваться таким понятием, как «кризис», коль скоро отсутствует единое понимание данного феномена. Но сделать это невозможно, как невозможно избавиться от других распространенных «зонтичных» понятий – «культура», «миф» и т.п. Значит, надо искать какие-то общие смысловые значения в различных толкованиях «кризиса» и, опираясь на эти значения, пытаться выйти на обобщающие определения.

Практически во всех приведённых описаниях кризиса прямо отмечается или подразумевается один важный момент: функционирование (на должном уровне) объекта кризиса прерывается, власть оказывается неспособной принимать необходимые решения, банки лишаются возможности совершать необходимые операции, промышленные предприятия – выпускать продукцию, человеческий организм утрачивает некоторые ранее присущие ему качества и т.д. Отсюда напрашивается и выглядит естественным определением кризиса как дисфункции объекта (системы, сети, института и т.п.).

Кстати сказать, в энциклопедическом словаре «Политология» кризис определяется именно как «перерыв в функционировании какой-либо системы с позитивным или негативным исходом для неё»¹³. Так что идентификация кризиса как дисфункции системы, сети, института выглядит вполне обоснованной. Однако при более внимательном взгляде на рассматриваемый феномен нельзя не заметить, что дисфункция – это то, что лежит на поверхности и легко верифицируется, но является при этом видимым знаком чего-то невидимого, хотя и объективно существующего, следствием какого-то глубинного процесса или события, которое и порождает дисфункцию. Этот процесс-событие – истощение заложенного в объекте потенциала, утрата ранее присущей ему качественной определённости: политической, экономической, психологической, моральной и т.д.¹⁴

Таким образом, кризис может быть определён как *истощение потенциала объекта, делающее его irrelevantным (не соответствующим) требованиям среды существования, что порождает его дисфункцию и ведёт либо к обретению нового потенциала и нового качества (через соответствующее преобразование), либо к гибели*. Именно из такого понимания кризиса я буду исходить в этих заметках.

Кризис однополюсного мировидения

В основе глобального кризиса-XXI в его идейно-политическом аспекте лежит *кризис общего мировидения*, т.е. политической и экономической картины мира, сложившейся на Западе, прежде всего в США, после окончания «холод-

¹² Ibidem.

¹³ Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993, с. 148.

¹⁴ Следует заметить, что автор статьи о кризисе, истолковывая его как дисфункцию, признаёт, тем не менее, связь кризиса с истощением ресурсов объекта. «Кризис во всех случаях означает, – пишет он, – что существующая тем или иным образом... система... достигает предела, дальше которого она существовать или двигаться не может, исчерпала ресурсы и смысл существования...или наталкивается на сплошное сопротивление извне, либо препятствие...» (Там же, с. 148).

ной войны» и продолжавшей доминировать впоследствии. Центральный элемент этого мировидения – представление об «однополюсном» мире во главе с США. «Последнее десятилетие XX века, – писал в 1997 г. Збигнев Бжезинский, – было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Впервые в истории неевропейская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария – Соединённых Штатов – в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы»¹⁵.

Бжезинскому вторил другой американский политический тяжеловес Генри Киссинджер: «На заре нового тысячелетия Америка вкушает плоды своего могущества, превосходящего мощь величайших империй прошлого. От военной сферы до бизнеса, от науки до технологий, от высшего образования до массовой культуры, Америка господствует в мире в беспрецедентных масштабах»¹⁶. А известный политический обозреватель Чарлз Краутхэммер, обобщая эти представления, изрёк сакраментальную фразу: мир стал однополюсным. Ожидалось, писал он в своей нашумевшей статье «Момент однополюсности», что «старый двухполюсный мир породит мир многополюсный», однако случилось иначе: «Мир, каким он предстал сразу после окончания “холодной войны”, это не многополюсный мир. Это однополюсный мир»¹⁷.

Приверженцы однополюсного мировидения, фиксируя реальную победу США¹⁸ и их доминирующее положение в мире в первые «после-холодно-военные» годы, допускали серьёзную ошибку, которая существенно искажала реальную картину мира и не могла не сказываться на политической и экономической стратегии, избранной Западом.. Дело в том, что *полюсом нового мирового порядка и тем более полюсом единственным, Соединённые Штаты не были и быть не могли.*

«Полюс» – это центр силы. Но не всякий центр силы – это «полюс»¹⁹. «Полюса» – это полярные, т.е. контрарные²⁰, одновременно отрицающие и предполагающие существование друг друга, более или менее симметричные и соизмеримые по жизненному потенциалу (военному, экономическому, научно-техническому и т.п.) парные центры силы. Полюса образуют крайние противо-

¹⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. Пер. с англ. М., 1998, с. 11.

¹⁶ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. Пер. с англ. М., 2002, с. 1.

¹⁷ Краутхэммер Ч. The Unipolar Moment. – «Foreign Affairs», 1990/91, vol. 70. № 1, p. 23.

¹⁸ На мой взгляд, правильнее говорить о победе США не в «холодной войне», как это обычно делается, а в противостоянии двух мировых социально-политических и экономических систем, частью которого и была «холодная война».

¹⁹ О соотношении «полюсов» и «центров силы» см.: Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005, гл. третья.

²⁰ Речь идёт, прежде всего, о позиционной (структурной) противоположности, обуславливающей взаимоотношение полюсов. Но она может дополняться, как это было во второй половине XX века, противоположностью политической (режим), социально-структурной, идеологической и даже цивилизационной. Это только усиливает полюсный характер системы, т.е. делает специфические характеристики полюсов более контрастными.

положительные точки силовой оси, стягивающей воедино всю систему международных отношений. Взаимодействуя друг с другом, полюса определяют динамику и направление развития системы, придают ей специфический характер.

В рамках глобальной международной системы могут существовать *только два полюса*. Значит, эти системы могут быть либо двухполюсными – а правильнее сказать, просто полюсными, либо бесплюсными. В последнем случае мы имеем дело с моноцентричными и полицентричными системами, которые неоправданно отождествляются с системами однополюсными и многополюсными, что искажает реальную картину мира и подталкивает к формированию ошибочных политических и экономических стратегий.

Мировой порядок, сложившийся после Второй мировой войны, когда шла борьба двух военных лагерей, двух социально-политических систем, не имевших конкурентов и во многом определявших судьбу мира, был классическим двухполюсным порядком. Он распался вместе с распадом мировой социалистической системы и Советского Союза. И сегодня мы живём в бесплюсном мире.

Можно ли, однако, назвать его моноцентричным? Если говорить о 90-х годах минувшего века, то, скорее всего, да, ибо и в экономическом, и в политическом, и тем более в военных отношениях США не имели себе равных, и влияние их было весьма велико. Однако уже в первые годы XXI века положение начинает меняться, что и было отмечено рядом наблюдателей, включая американских. «Сила, – писал известный заокеанский аналитик Джозеф Най-мл., – распределена сегодня между странами таким образом, что это напоминает сложную игру в шахматы одновременно на трёх досках (*a complex three-dimensional chess game*). На верхней доске локализация военной силы в основном однополюсная... на средней доске распределение экономической силы носит многополюсный характер: Соединённым Штатам, Европе и Японии принадлежит две трети мирового продукта, а впечатляющие успехи Китая позволяют предположить, что в начале века он станет одним из крупных игроков»²¹. Что касается нижней доски, то на ней действуют разные акторы (включая транснациональные корпорации, террористов, хакеров и т.п.), и «на этой нижней доске сила широко распылена, и тут нет смысла говорить об однополюсности, многополюсности, или гегемонии»²².

На протяжении всего первого десятилетия нового века тенденция к умножению и диверсификации центров силы продолжала нарастать, а большинство политиков и аналитиков, включая тех, кто ратовал за многополюсный мир, оставались пленниками однополюсного видения мира, что, конечно, не могло не находить отражения в политической практике. Нынешний кризис, продемонстрировавший, что помимо Соединённых Штатов есть ещё и объединённая Европа, и Япония, и Китай, и Индия, и Россия, и другие страны, у каждой из которых своя сила, своё влияние, не считаться с которыми невозможно, убедительно подтвердил: моноцентричное (однополюсное) видение современного мира – анахронизм: оно не соответствует реальному положению вещей и ба-

²¹ Nye J. Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford, 2002, p. 39.

²² Ibidem.

зировавшаяся на нём стратегия стала одним из идейно-политических источников нынешнего финансово-экономического кризиса.

Сегодня процесс умножения центров силы в мире зафиксирован уже в ряде документов, включая известный доклад «Глобальные тенденции-2025», подготовленный американским Национальным советом по разведке и опубликованный в ноябре 2008 г. «Хотя США, – говорится в нём, – вероятно, останутся единственным сильнейшим актором, их относительная сила – даже в военной сфере – пойдёт на спад, и система рычагов [находящихся в их руках. – Э.Б.] станет более скованной». Допуская, что Соединённые Штаты будут и дальше играть важную роль в мировых делах, авторы доклада вместе с тем подчёркивают: «К 2025 г. США окажутся лишь одним из важных акторов на мировой арене, хотя пока ещё самым сильным... их способность задавать тон без поддержки сильных партнёров станет более ограниченной»²³.

Кризис стратегии унилатерализма

С ложным представлением об однополюсном мире связана была и проводившаяся Дж. Бушем-мл. на международной арене политика военно-политического унилатерализма, т.е. односторонних действий, не согласованных с союзниками или даже противоречащих их интересам. Провальный характер этого курса стал очевиден ещё до возникновения нынешнего кризиса. И сегодня уже не может быть сомнений, что применять унилатералистскую стратегию в экономике, т.е. пытаться преодолеть кризис в одиночку, опираясь исключительно на национальную экономическую базу, Америке, как, впрочем, и другим странам, не удастся. Вот, что пишут отечественные экономисты В.С. Васильев и Е.А. Роговский: «Не стоит убаюкиваться ассоциациями с “Великой депрессией” и “Новым курсом” Ф. Рузвельта, решавшим проблемы в пределах национальной экономики. В условиях глобальной экономики все основные элементы стратегии администрации Обамы – налоговое стимулирование, инвестиции в развитие инфраструктурных отраслей, выкуп проблемных активов финансовых учреждений... будут являться не более чем “козырными картами” в глобальной финансовой игре, исход которой будет решаться на мировых финансовых форумах стран “Большой двадцатки”»²⁴.

Решится ли исход глобальной финансовой игры на мировых форумах, будь то «двадцатка» или какие-то иные форматы – большой вопрос. Однако суть дела зафиксирована экспертами верно: ни США, ни другим крупным игрокам в одиночку и исключительно на национальной базе своих финансово-экономических проблем не решить. Судя по всему, они это прекрасно понимают. Однако преодоление установки на унилатерализм предполагает не только отказ от односторонних действий, но и отказ от стремления и попыток воспользоваться в одностороннем порядке плодами совместных действий. Речь идёт, иными словами, если не о преодолении, то, по крайней мере, об ограничении национального эгоизма, предполагающем умение и готовность умерить

²³ «Global Trends 2025: A Transformed World», Wash., 2008, pp. VI.

²⁴ Васильев В.С., Роговский Е.А. Мировой финансовый кризис и экономическая стратегия Б. Обамы – Т.Гайтнера. – «США ♣ Канада», 2009, № 4, с. 28.

супердержавные и великодержавные амбиции и поступиться в общих интересах хотя бы частью интересов национальных.

Сделать это гораздо труднее, чем отказаться от односторонних действий. Особенно Соединённым Штатам, традиционно исходившим из представлений о себе (сложившихся в совершенно иных условиях) как об «исключительной» стране, которой предназначено Богом стать «Градом на холме». Положение осложняется тем, что в конце прошлого – начале нынешнего тысячелетия, когда казалось, что США надолго превратились в негласного, но всеми молчаливо признаваемого «властелина мира», в недрах неоконсервативного лагеря, оказывавшего большое влияние на администрацию Буша, родилась идея «Нового американского века», ориентировавшая страну на проведение гегемонистской внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии, прикрываемой разговорами о том, что мир нуждается в глобальном лидере в лице США.

Замечу, что слово «новый» говорит о многом. Почти 70 лет назад, в феврале 1941 г. на страницах популярного в то время американского журнала «Лайф» было опубликовано обширное эссе (изданное вскоре отдельной брошюрой) «Американский век» (*American Century*), принадлежавшее перу Генри Люса – владельца журнала, сына миссионера и миссионера по духу – и отражавшее представления заокеанского истеблишмента о роли и исторической миссии США в XX веке. «Возьмем XX век, – писал Люс. – Это наш век не только в том смысле, что нам довелось жить в этом столетии; он наш ещё и потому, что это первый для Америки век, когда она выступает как держава, доминирующая в мире»²⁵. «Америке и только Америке, – убеждал Люс, – предстоит определить, будет или не будет система свободного предпринимательства как экономический порядок, совместимый со свободой и прогрессом, преобладать в этом веке». Америка должна выступить в качестве «главного гаранта свободы морей... и динамичного лидера мировой торговли». Ей надлежит стать для мира источником различного рода знаний и умений, «мастерской идеалов свободы и справедливости»...²⁶

Спустя много десятилетий, 3 июня 1997 г. американские неоконсерваторы выступили с программным документом, перекликавшимся с манифестом Генри Люса. Он так и назывался: «Проект Нового американского века. Заявление о принципах». В нём говорилось: «Мы не можем уклоняться от ответственности и издержек, связанных с глобальным лидерством... Мы должны взять на себя ответственность за особую роль Америки в сохранении и распространении международного порядка, благоприятного для нашей безопасности, нашего процветания и наших принципов»²⁷.

Сегодня, по прошествии 12 лет со времени публикации этого документа, очевидно, что представление о «новом американском веке» не соответствовало реальным историческим трендам, а базировавшаяся на нём внешнеполитическая и внешнеэкономическая стратегия США и их ближайших союзников бы-

²⁵ Luce H. The American Century. With Comments by D. Thompson, Q. Howe, J. Chamberlain, R.G. Shrivak, R. Sherwood, N.Y., Toronto, 1941, p. 27.

²⁶ Ibid., pp. 35–36.

²⁷ Project for the New American Century, Statement of Principles. June 3, 1997. Цит. по: Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. М., 2004, с. 20–22.

ла ошибочной, прокладывавшей путь к «кризису-XXI». Очевидно и другое: XXI век не будет «американским», как не будет он «китайским», «российским» или «индийским». Наступила эпоха совместных, кооперативных действий и кооперативного лидерства.

Кризис неолиберальной модели глобализации

Нынешний кризис, будучи глобальным не только по масштабу, но и по своей природе, есть до известной степени продукт действующей (примерно с середины 90-х годов прошлого века) модели глобализации. О её несоответствии императивам новой эпохи давно говорят не только антиглобалисты, отвергающие глобализацию как таковую, но и так называемые альтерглобалисты, которые, не отрицая значимости и закономерного характера этого процесса, выступают за его альтернативные варианты.

Глобализация как «процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни – от культурной до криминальной, от финансовой до духовной»²⁸ – процесс объективно неизбежный. Однако протекать он может по-разному. Что-то в нём не подвластно человеку, что-то, напротив, зависит от самих действующих лиц – государств, корпораций, отдельных групп. Глобализация в её нынешнем виде протекает таким образом, что, как отмечает Энтони Гидденс, деятельность отдельных локальных групп и сообществ и принимаемые ими решения могут иметь глобальные последствия²⁹. Понятно, что речь идёт, прежде всего, о наиболее влиятельных игроках, в число которых входят крупнейшие ТНК и ведущие государства мира, защищающие свои корпоративные и национальные интересы. Иначе говоря, это недемократический процесс, в результате которого одни выигрывают больше чем другие, а положение дел в мире определяют силы, которые никто не выбирал и которые ни перед кем не несут ответственности за свои действия.

Таким образом, как подчёркивают, и справедливо, альтерглобалисты (С. Амин, К. Агитон, А. Бузгалин и др.), реализуется неолиберальный «сценарий» глобализации, представляющий, по словам А. Бузгалина, социопропространственное измерение тотальной гегемонии корпоративного капитала, который привёл к созданию такой системы глобального производства, обмена и потребления, такого глобально интегрированного финансового рынка, которые отвечают прежде всего интересам акторов, представляющих «золотой миллиард».

Никто из серьёзных аналитиков не отрицает, что глобальная деятельность корпоративного капитала во многом спровоцировала нынешний финансово-экономический кризис. Ещё десять с лишним лет назад эксперты указывали на то, что «весьма значительная часть этой (глобальной. – Э.Б.) финансовой деятельности является спекулятивной и порождает такие колебания цен или курсов ценных бумаг (облигаций, акций, фьючерсов и т.д.), которые выходят далеко за рамки лежащей в основе стоимости активов динамики так называе-

²⁸ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. Пер. с англ. М., 2004, с. 2.

²⁹ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990.

мых – общеэкономических, или фундаментальных факторов (*fundamentals*) реального состояния хозяйства и тенденций его развития»³⁰. С тех пор масштабы глобальных спекуляций лишь возрастали, чему немало способствовал прогресс в сфере глобальных коммуникаций и компьютерных технологий.

Следует к тому же иметь в виду, что ТНК, отстаивая корпоративный интерес, нередко одновременно лоббируют интересы стран, которые создают благоприятные условия для их деятельности. Расхожие утверждения, что глобализация усиливает взаимозависимость всех участников процесса, что все мы в одной лодке, нуждаются в оговорке: это неравная зависимость, и места в лодке, занимаемые богатыми и бедными странами, неодинаковы, равно как и шансы на спасение в том случае, если с лодкой случится беда.

Так что, как предупреждают альтерглобалисты, если мы не хотим, чтобы формирование глобального экономического, финансового, торгового, политического, культурного пространств – процесс, который уже невозможно остановить – не завело человечество в тупик и не привело к глобальным же конфликтам, необходимо изменить сценарий глобализации. Изменить в сторону демократизации (она должна направляться не только сверху вниз, как это происходит в настоящее время, но и снизу вверх и учитывать интересы возможно большего числа стран и народов, вовлечённых в этот процесс), гуманизации, перехода к «социальной мировой экономике», более бережного отношения к окружающей среде, что потребует внесения большей управляемости в рассматриваемый процесс. Произойдет это или нет, и если произойдёт, то когда, – вопросы открытые. Но одно очевидно: нынешняя модель глобализации во многом исчерпала свой креативный ресурс и грозит новыми крупными потрясениями.

Кризис власти традиционной мировой элиты

Кризис убедительно продемонстрировал, что узкий круг крупнейших традиционных мировых игроков в лице лидеров нескольких наций-государств, который на протяжении второй половины XX и начала XXI веков оказывал более или менее существенное влияние на ход мировых событий, не в состоянии справиться с новыми вызовами эпохи.

На протяжении большей части периода «холодной войны» структура мирового порядка, его состояние и положение дел в мире во многом определялись взаимодействием двух мировых систем (двух блоков, двух лагерей), которое включало элементы сотрудничества по довольно широкому кругу вопросов – прежде всего политических и военных. Если принять во внимание, что во главе каждой из противоборствующих сторон стоял бесспорный мощный лидер в лице США и СССР, то можно сказать, что в течение нескольких десятилетий мир, если и не управлялся, то направлялся своеобразным сдвоенным центром – если угодно, Группой двух, «Большой двойкой».

³⁰ Хелд Д. Трансформация политического сообщества: переосмысливая демократию в контексте глобализации – Сб.: Теория и практика демократии. Избранные тексты. Пер. с англ. М., 2006, с. 450.

После окончания «холодной войны», распада Ялтинско-Потсдамского миропорядка и фактической маргинализации России на свет появилась знаменитая Группа семи, или «Большая семёрка», включавшая США, Великобританию, Германию, Францию, Италию, Канаду и Японию. Будучи ограничена в своих полномочиях и не имея возможности широкого применения силы, она на самом деле была слабее «Большой двойки». Конечно, как своеобразный клуб, включавший лидеров наиболее мощных в экономическом, военном и политическом отношениях стран мира, «семёрка» выполняла позитивную роль консультативно-координационного органа, оказывавшего некоторое влияние на положение дел в мировой политике и экономике, но судьбы мира не определяла. Тем более, что к концу XX века на глобальном горизонте уже начали вырисовываться такие сильные потенциальные соперники, как Китай, Индия, некоторые другие страны.

Ситуация не претерпела принципиальных изменений и после преобразования «семёрки» в «восьмёрку», или *«Большую восьмёрку»* за счёт включения в неё несколько окрепшей и довольно быстро развивавшейся благодаря нефтедолларовым накачкам России. Многие серьёзные аналитики по-прежнему смотрели на эту организацию не столько как на жизненно необходимый и эффективный орган глобального управления (каковым она хотела выглядеть), сколько как на закрытый элитный клуб, членство в котором не реальный критерий силы, а скорее символ принадлежности к сильным мира сего и даже своеобразная привилегия. Не случайно некоторые недалёкие американские политические деятели, недовольные политикой России, предлагали исключить её из «восьмёрки».

«Восьмёрка» не сумела не только хотя бы несколько смягчить назревавший кризис (предотвратить его она была не в состоянии), но даже разглядеть его приближение. Однако это было не свидетельство банкротства идеи международного органа, способного осуществлять функцию глобального менеджмента, а свидетельство неэффективности конкретной структуры. Кризис отчётливо обнаружил минимум две вещи. Во-первых, стало очевидно, что мир остро нуждается в эффективной координационно-консультативной площадке, на которой можно было бы обсуждать актуальные проблемы мировой политики и экономики и принимать решения, если не обязывающего, то рекомендательного характера. И во-вторых, он показал, что круг стран, лидеры которых могли бы с пользой для общего дела участвовать в деятельности такого рода координационно-консультативных органов, должен быть расширен.

Поиски нового формата организации и нового состава «глобальной элиты» ведутся со второй половины 2008 г., когда в Вашингтоне состоялось первое заседание «Большой двадцатки». Оно имело продолжение в апреле 2009 г. в Лондоне и позднее в Аквиле, о чём следует сказать особо. Формально говоря, в Италии должно было состояться очередное заседание Группы восьми, в котором впервые участвовал новый президент США Барак Обама. Оно состоялось, причём, по мнению ряда наблюдателей и самих участников, оказалось более продуктивным, чем последние встречи лидеров восьми стран. Но главное – в другом. В Аквилу были приглашены (для работы) несколько десятков лидеров других стран, включая, естественно, тех, кто не входил даже в «двадцатку».

При этом работа оперативно меняла свой формат в зависимости от обсуждавшегося круга вопросов. То к «восьмёрке» присоединялась некая «пятёрка», то встречи проходили в ещё более широком кругу, включавшем чуть ли не 30 стран.

Это были спонтанные поиски новых организационных структур, порождённые острой потребностью нахождения путей выхода из кризиса – структур, которые могли бы реально способствовать решению этой задачи. И вот что примечательно: поиски эти происходили за счёт подключения к «восьмёрке» не просто новых стран, а стран по преимуществу незападных, часть из которых ещё сравнительно недавно причислялась к так называемому третьему миру и на которые Запад тогда взирал свысока. По сути, это означало молчаливое признание неспособности традиционной западной «мировой элиты» (напомню, что в Группу восьми входит только одна восточная страна – Япония) решать в условиях XXI века глобальные проблемы без других и за других.

Перед нами лишнее подтверждение идеи, которая четыре года назад высказывалась некоторыми европейскими аналитиками, в частности, английским историком Тимоти Эшем, утверждавшим, что «через 20 лет Запад больше не сможет устанавливать повестку мировой политики так, как он это делает последние 400 лет. Быть может, это и неплохо, но это означает, что сегодня для европейцев и американцев существует последнее "окно возможности", чтобы попытаться распространить в мире то, что они считают общемировыми ценностями»³¹. А составители «Глобальных тенденций-2025» прямо указали на смещение центра экономического могущества и богатства с Запада на Восток – и не через многие десятилетия, а всего через 15–16 лет³².

Конечно, эсхатологические настроения в условиях перехода человечества от одних эпох к другим, сопровождающегося множеством неопределённостей и разочарований, – вещь в истории обычная. Так было, например, вскоре после окончания Первой мировой войны. Именно тогда появилась ставшая впоследствии знаменитой книга Освальда Шпенглера «Закат Запада» (в русском переводе – «Закат Европы»), а вслед за ней и ряд других сочинений подобного рода. Ныне картина повторяется. И это убедительное свидетельство кризиса современного западного сознания и той версии западной идентичности, которые начали складываться с конца 40-х годов минувшего века и оставались действенными на протяжении более полувека.

Но дело не только в кризисе западного сознания. Дело ещё и в реальных политических и экономических трендах. Гигантский подъём Китая, хорошие перспективы Бразилии и Индии – убедительное тому подтверждение. Много лет назад «бард колониализма» Редьярд Киплинг писал о «бремени белого человека». Ныне история избавляет последнего от этого «бремени». Соединённые Штаты, избравшие президентом страны Барака Обаму, начали понимать, правильнее сказать – чувствовать это применительно к своей внутренней жизни раньше, чем можно было бы ожидать. Теперь им и их европейским коллегам придется взглянуть с такой же точки зрения на жизнь международную и ми-

³¹ «The Washington Times», 07.02.2005.

³² Global Trends 2025...

ровую. И внести в её организацию существенные изменения. Как говорил известный политический деятель, «процесс пошёл»...

Высвечивается и другой важный момент. Лихорадочные поиски нового формата международного органа, способного выполнять функции глобального менеджмента, и перескакивание с одного формата на другой подталкивают, на мой взгляд, к выводу о вступлении мира в эпоху формирования адхократических (от лат. *ad hoc* – к этому, т.е. со специальной целью, по случаю) международных структур, имеющих – по крайней мере, первоначально – временный характер, выстраиваемых по модульному принципу и меняющих свой состав и конфигурацию в зависимости от той задачи или группы задач, которые предстоит решить. «Восьмёрка», по-видимому, сохранится на какое-то время или превратится в «десятку» (за счёт, скажем, включения Китая и Индии) или даже во что-то более широкое. Будут одновременно использоваться другие форматы, подсказываемые актуальной повесткой дня, включая «двадцатку», «тридцатку» и т.п. Но общая тенденция очевидна: вместе с глобализацией проблем, встающих перед миром, будет происходить глобализация круга игроков, способных объединёнными усилиями приступить к их решению.

Кризис идеи всеисилия свободного рынка

Экономические и социально-политические события последних лет отчётливо выявили кризис идеи (активно продвигавшейся и распространявшейся неолибералами) свободного саморегулирующегося рынка как абсолютного механизма регулирования хозяйственных отношений и более того – как универсального механизма регулирования общественной жизни. Иными словами, стало очевидным, что в современных условиях рынок хотя и продолжает оказывать влияние на формирование определённых политических и социальных структур и ценностей, политического и культурного климата, тип личности и массового сознания, абсолютным и универсальным механизмом не является, и попытки придать ему функцию такого механизма могут быть только контрпродуктивными.

Речь идёт, подчеркну, не о рыночной ориентации, которая сохраняет свою значимость в современном обществе, но именно об абсолютизации роли рынка, или, как предпочитают говорить некоторые аналитики, о рыночном фундаментализме, обратная сторона которого – минимизация роли государства в экономике, отказ от прямого государственного вмешательства в финансово-экономические процессы; монетаризм как использование денежной массы в качестве регулятора экономических процессов.

Конечно, генетически неолиберальная идея всемогущества свободного рынка была продолжением традиционной для либерализма *laissez faire* линии на ограничение роли государства в экономической и социальной сферах. Но, как подчёркивает американский эксперт Дэвид Харви, автор книги «Краткая история неолиберализма», в условиях так называемого встроеного либерализма, сложившегося после Второй мировой войны, само ограничение роли государства было незначительным. По словам Харви, «либерализм того времени был призван создать... баланс между государственной властью, бизнесом и общественными институтами... В его границах рыночные процессы и деятельность

большого бизнеса и любых коммерческих организаций удерживались социальными и политическими рамками, контролируемые государством. Государство занималось не только планированием, но и владело многими отраслями промышленности, активно вмешивалось в промышленную политику и определяло уровень социального благополучия, широко использовалась кейнсианская фискальная и монетарная политика»³³.

Неолибералы нарушили баланс между государством, обществом и бизнесом, встав на путь освобождения последнего от существенных ограничений со стороны государственных и общественных институтов. Но в неолиберальном проекте роль рынка в качестве финансово-экономического механизма не просто возросла – она оказалась гипертрофированной. Рынок распространяет своё действие «как экстенсивно – в международном масштабе, так и интенсивно – на все сферы жизни общества»³⁴. Он выступает в роли своеобразной универсальной призмы, сквозь которую рассматриваются и оцениваются все виды общественных отношений и одновременно как универсальная модель, в соответствии с которой должны строиться эти отношения.

Насколько эффективно проявила себя эта модель в недавнем прошлом; была ли у неё работоспособная альтернатива; когда конкретно она начала давать сбои? – эти и другие вопросы того же ряда широко обсуждаются экспертным сообществом и заслуживают отдельного разговора. Но есть два момента, которые отмечают все серьёзные аналитики. Во-первых, что в настоящее время эта модель исчерпала свой потенциал, перестала работать и нуждается в замене, т.е. пребывает в состоянии кризиса. Во-вторых, что перегрузка рынка усугубляется неоправданным ослаблением роли государственных и общественных институтов в экономике.

Таким образом, глобальный кризис-XXI выявил не только несостоятельность радикалистской ориентации на рынок как универсальный механизм регулирования хозяйственной и всей общественной жизни. Он выявил одновременно несостоятельность нигилистического отношения к государству как механизму социально-экономического регулирования и стратегического планирования.

Это особенно остро почувствовала на себе Россия – страна, в жизни которой государство всегда играло важную роль и где чрезмерная доверчивость к рыночным регуляторам обернулась для её народа большими неприятностями. Как пишет известный экономист академик Н.П. Шмелёв, которого никак не заподозришь в этатистских увлечениях и антилиберальном настрое, одна из причин кризиса, накрывшего Россию, заключается в том, что «за истекшие два десятилетия роль государства в экономике была абсолютно неоправданно ослаблена, причем как в количественном, так и особенно в качественном смысле. В реальности российское государство добровольно отказалось от одной из своих наиважнейших функций – стратегического планирования, выработки внятной структурной политики и прямой предпринимательской деятельности, предоставив хаосу промышленность, сельское хозяйство, инфраструктурное

³³ http://www.jur-jur.ru/articles/articles_493.html

³⁴ Неолиберализм (<http://ru.wikipedia.org/wiki>).

развитие, подготовку кадров, миграционные и переселенческие процессы, социальную жизнь страны»³⁵.

Характеризуя меры, принимаемые большинством государств для выхода из кризиса, Шмелёв справедливо отмечает, что все они «имеют сегодня одну общую принципиальную черту: отступление от непорочно чистой либеральной модели экономики и резкое усиление прямого вмешательства (и прямого участия) государства в экономическую жизнь общества. На деле сегодня уже никого не интересует, как это всё называется: капитализм или социализм. Практика убеждает, что впереди мир (и развитый, и развивающийся) ждёт нечто третье, где рыночный механизм и конкуренция будут дополнены активной управленческой и предпринимательской деятельностью государства, а социальная помощь, социальная солидарность общества, формируемые вне действия рыночного механизма, станут нормой во всех ведущих странах мира»³⁶.

Соглашаясь в принципе с этим тезисом, хотел бы вместе с тем заметить, что, обращаясь к такому механизму планирования и регулирования, как государство, наша страна должна проявлять особую осторожность и – не побоюсь этого слова – бдительность. Россия, как известно, склонна к крайним шагам, и есть опасность, что, бросившись сначала в рыночную стихию, а потом, обнаружив ошибочность такого уклона и необходимость использования государственных рычагов, мы снова зайдём дальше, чем следовало бы. Тем более, что во многих россиянах всё ещё сидят государственники (а точнее – квазигосударственники). И ещё одна опасность: чиновник, бюрократ. Он всегда и везде, тем более в России, стремится приватизировать государство и под шум речей о защите государственных интересов набить «зеленью» свои карманы. Однако без активной помощи государства с кризисом не справиться, так что впереди нас ждёт ещё одно нелегкое испытание.

Кризис потребительского сознания

Возможно, одним из самых ярких и масштабных, хотя и не лежащих на поверхности проявлений переживаемого кризиса, стал кризис потребительского сознания. В.С. Васильев и Е.А. Роговский, анализируя корни нынешнего кредитного кризиса в США, обращают внимание на модель поведения шопинголика, ставшего за океаном поистине массовой фигурой и во многом определяющего состояние экономики, да и не только экономики, страны. «Задавленная агрессивной рекламой современная американская экономика, – пишут авторы, – ориентируется на инстинкты и стереотипы поведения так называемых “шопинголиков” (по определению американских психиатров), которые своей несоразмерной доходам покупательской активностью на протяжении последних 10–15 лет “американского процветания” влезли в невозвратные долги и спровоцировали кредитный кризис»³⁷.

³⁵ Шмелёв Н.П. Россия и мировой кризис: назревшие перемены. – «Современная Европа», 2009, № 3, июль – сентябрь, с. 6.

³⁶ Там же, с. 12.

³⁷ Васильев В.С., Роговский Е.А. Ук. соч., с. 8.

Авторы затрагивают чрезвычайно важное явление, далеко выходящее и за пределы кредитной сферы, и за пределы экономики в целом, и за пределы Соединённых Штатов. Те, кого психиатры называют (используя крайне неудачный термин) шопингоголиками – это на самом деле шопингоманы. А шопингомания, психологически во многом совпадающая с лудоманией, – не что иное, как частное проявление потребительского фетишизма, который кто-то из его критиков образно, хотя и не без вызова, назвал «потреблятством».

Массовизация этого явления, как известно, тесно связана с так называемым обществом потребления (обществом массового потребления), явившимся на свет после Второй мировой войны на Западе, а впоследствии вышедшим далеко за его пределы. У такого общества имеются несомненные плюсы, связанные и с формированием массового среднего класса, и с возможностью удовлетворения повседневных потребностей людей (особенно высоко ценимой теми, кто прожил большую часть жизни в обществе массового дефицита).

Но это общество – гораздо более характерное для развитых стран Запады, нежели для России или того же Китая, – ориентирует не просто на потребление, а на гиперпотребление, которое в значительной своей части избыточно, т.е. связано с удовлетворением искусственных, зачастую перенятых извне, так называемых престижных, потребностей.

Ориентация на гиперпотребление, подогреваемая рекламой, СМИ, корпорациями, провоцирует массовое поведение, которое служит одним из источников кризиса. Как замечает Ярослав Лисоволик, главный экономист «Дойче банк Россия», «современный кризис происходит от переизбытка потребления, который порождает такие дисбалансы, как дефицит бюджета, дефицит торгового баланса и рост государственного долга»³⁸. С таким вердиктом, поясняет Лисоволик, согласны многие. Но при этом они склонны рассматривать кризис просто как некое отклонение от состояния равновесия, которое будет восстановлено после исправления технических ошибок. «На самом деле, – считает (и справедливо) специалист из «Дойче банк Россия», – в современном кризисе есть аспекты более фундаментальные, коренящиеся в человеческой этике и психологии. С этической точки зрения нынешний кризис – продукт эгоизма. На индивидуальном уровне это неуёмная жажда потребления, не способная остановиться перед накоплением долгов. На уровне отдельных стран – протекционизм при одновременных попытках навязать партнёрам принципы свободы торговли»³⁹.

Эксперт в принципе прав. Пусть связь между гиперпотреблением и эгоизмом не просматривается напрямую на индивидуальном уровне, зато она достаточно отчётливо прослеживается на уровне международном. Корпорации, заинтересованные в расширении потребления выпускаемой ими продукции, а значит и в её производстве, сами втягиваются на мировых сырьевых рынках в потребительскую гонку, происходящую в условиях жёсткой конкуренции. Идёт борьба, которая определяет и мировую ценовую конъюнктуру (от изменений которой – вспомним хотя бы колебания цен на нефть – зависит порой

³⁸ Лисоволик Я. Иеремия Бентам и мировой кризис. – «Smart Money». Аналитический деловой еженедельник (<http://www.smoney.ru/print.shtml?2009/04/13/10763>).

³⁹ Там же.

судьба бюджетов целых стран), и жёсткость в отношении конкурентов, и хищническое отношение к ресурсам...

Нельзя упускать из вида и то обстоятельство, что ориентация на гиперпотребление формирует определённый стиль жизни – жизнь взаимности, жизнь не по средствам⁴⁰, разлагающе, хотя и незаметно, действующий на личность. Потребление и зарабатывание денег на погашение кредитов если и не становятся (а порой все-таки становятся) целью и смыслом существования, то ограничивают развитие, меняют ценностные приоритеты.

Сегодня установка на гиперпотребление, на жизнь не по средствам наглядно обнаружила свой разрушительный характер, и теперь уже очевидно, что если после выхода из нынешнего кризиса она будет воспроизведена в той или иной форме (чего нельзя в принципе исключать), последствия, к которым она приведёт, могут оказаться ещё более разрушительными.

Императивы новой этики

Пройдёт некоторое время, и мир преодолеет первый глобальный кризис. Экономика снова пойдёт в рост, и о пронесшейся буре будут вспоминать едва ли не так же, как вспоминают сегодня о «Великой депрессии». Скорее всего, будут сделаны и какие-то «оргвыводы», появятся новые национальные и наднациональные структуры, призванные стабилизировать финансово-экономические отношения, а, возможно, родятся новые идеи и сложатся новые концепции и теории, позволяющие глубже понимать, оценивать и регулировать национальные и мировые экономические процессы и финансовые потоки. Но если не будет преодолен идейно-политический и нравственный кризис, сопровождающий, а отчасти и породивший глобальный кризис-XXI, если не будут выработаны диктуемые императивами нового века этические нормы и принципы, регулирующие отношения между людьми, корпорациями, странами, то продолжит сохраняться и реальная опасность нового глобального потрясения – ещё более жестокого и ещё более трудно преодолимого, чем нынешнее. О какой же этике идёт речь?

Это, прежде всего, *этика кооперативного поведения*, противостоящая действующей ныне этике *корпоративного поведения* и призванная если не исключить (что мало вероятно), то ограничить до какой-то степени групповой, национальный, региональный эгоизм. Эта этика не обязательно ориентирует на совместные, коллективные акции (хотя они тоже могут оказаться желательными), но она предполагает согласованные действия акторов в тех случаях – а таких случаев в условиях глобализирующегося мира становится всё больше – когда действия одних так или иначе затрагивают интересы других. Безнравственно и опасно сбрасывать ядовитые отходы химического производства в воды реки, проходящей по территории нескольких стран, не только не согласовав с ними эту акцию, но даже не сообщив им, что за вещество сброшено в реку.

⁴⁰ Как заметил недавно Дж. Сорос, призвавший посмотреть правде в глаза, «в течение 25 лет мы потребляли больше, чем производили». См.: Кризис и как с ним справиться. Интернет-газета «Единый мир», 07.06.2009 (http://kabmir.com/mirovoj_krizis/krizis_I_kak_s_nim_spravitsja.html).

Безнравственно и опасно противопоставлять интересы «золотого миллиарда» интересам тех, кто в него не входит.

Это *этика потребительского самоограничения*, ориентирующая на жизнь по средствам, на рассмотрение «престижного потребления» не только как расточительного, но ещё и как безнравственного.

Это *этика самообуздания собственных притязаний* – национальных, групповых, индивидуальных, которые в конечном счёте формируют наши потребности и действия. Говоря возвышенным языком, это этика обуздания человеческой гордыни и неоправданных амбиций покорить (переделать) природу, возвыситься над другим, стать поводом для человечества и т.п. Человек – это именно человек, а не Бог, и ему следовало бы помнить, что силы и возможности его не безграничны и есть черта, преступать которую не следует ни при каких обстоятельствах.

Это *этика бережного отношения к окружающей среде*, которая всегда платит взаимностью и никогда (пусть ответ оказывается отложенным во времени) не прощает надругательства над собой. «В настоящее время воздействия человека на окружающую среду уже не гасятся и не поглощаются ею, а практически немедленно “возвращаются” человеку в виде соответствующих природных реакций... Следовательно, антропогенная нагрузка на биосферу приближается к своему пределу: её дальнейшее механическое наращивание может привести к непредсказуемым по своему масштабу и характеру обратным реакциям. В том числе и в результате дестабилизации или даже слома сформировавшихся механизмов поддержания экологического равновесия»⁴¹.

Это *этика рачительного отношения к природным ресурсам*, отказ от их расточительного, чтобы не сказать – хищнического, использования. Особенно это относится к невозобновляемым ресурсам, нехватка которых и борьба за которые может уже в ближайшие десятилетия существенно осложнить международные политические и экономические отношения и привести к войнам.

Это *этика мультикультурализма*, ориентирующая если и не на признание эквивалентности (равноценности) культур, цивилизаций и жизненных укладов разных народов, населяющих землю, то, по крайней мере, на их мирное сосуществование. Попытки той или иной страны, сколь бы могущественна она ни была, выдать свои ценности за универсальные, а тем более навязать их другим силой, становятся сегодня не просто контрпродуктивными, но и конфликтотенными, а значит – преступными.

Хочу сразу пояснить, что речь идёт не о создании какого-то общемирового «морального кодекса», который, будь он сформулирован сегодня-завтра и вброшен в мир, так и остался бы на бумаге, как это произошло в своё время в Советском Союзе с «моральным кодексом строителя коммунизма», не подкреплённым реальной жизнью. Речь идёт лишь о том, в каких направлениях должны были бы, как мне представляется, действовать – и действовать *сообща* – культурные силы общества разных стран, чтобы сформировать со временем (через СМИ, образовательные структуры, институты гражданского об-

⁴¹ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. Под ред. М.Г. Делягина. М., 2000, с. 34–35.

щества) сознание, отвечающее императивам XXI века и способное, по меньшей мере, смягчать кризисные явления в финансово-экономической и политической сферах.

Возможно, иной читатель скажет, что все эти рассуждения о «кооперативном поведении», «самоограничении», «самообуздании», «сбережении» отдают утопизмом. *Ното* (человек), лишь по недоразумению названный *sapiens*, т.е. разумный, никогда таковым не был и не будет. Он по природе своей хищник, эгоист, экспансионист, руководствующийся скорее инстинктами, нежели велениями разума. И чтобы он сделал хотя бы шаг в сторону тех нравственных требований, о которых идёт речь (ну, например, осознал, что принцип «победитель получает всё» в нынешних условиях контрпродуктивен и безнравственен, или что, имея в своём гараже несколько машин, следовало бы воздержаться от покупки «Мерседеса» только потому, что он есть у соседа), нужны чрезвычайные обстоятельства, которые бы заставили человека остановиться на секунду, посмотреть на мир открытыми глазами и, узрев с ужасом, что происходит, пересмотреть – в ряде случаев радикально – некоторые жизненные принципы, ценности и установки, которыми он руководствовался до сих пор.

Так вот, *чрезвычайные обстоятельства уже наступили*, о чём нам напоминает прежде всего нынешний кризис, поставивший в тупик лучшие умы современности. Усугубляющиеся и приобретающие характер поступательно нарастающих катастроф климатические изменения; растущее загрязнение окружающей среды, лишаящее человека чистого воздуха и чистой воды; новые болезни, грозящие приобрести масштабы пандемий; истощение невозобновляемых природных ресурсов (включая углеводороды, равноценной замены которым до сих пор не найдено); международный терроризм, ставший повседневным явлением нашей жизни и множество других угроз, о которых сообщают и правительства, и неправительственные организации, свидетельствуют о том, что время ожиданий миновало ещё вчера⁴². Но способно ли человечество осознать это и извлечь уроки из глобального кризиса-XXI? Если нет, то имеет ли оно моральное право на дальнейшее существование?

⁴² Примечателен с этой точки зрения документ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», в котором указывается: «10. На обеспечение национальных интересов Российской Федерации негативное влияние будут оказывать вероятные рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях, противоречия между основными участниками мировой политики, угроза распространения оружия массового уничтожения и его попадания в руки террористов, а также совершенствование форм противоправной деятельности в кибернетической и биологической областях, в сфере высоких технологий. Усилится глобальное информационное противоборство, возрастут угрозы стабильности индустриальных и развивающихся стран мира, их социально-экономическому развитию и демократическим институтам. Получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма. Обострятся мировая демографическая ситуация и проблемы окружающей природной среды, возрастут угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, наркоторговлей и торговлей людьми, другими формами транснациональной организованной преступности. Вероятно распространение эпидемий, вызываемых новыми, неизвестными ранее вирусами. Более ощутимым станет дефицит пресной воды». (См.: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>).

Пессимистические ноты отчетливо звучат и в опубликованном в конце 2008 г. докладе «Глобальные тенденции-2025» (см.: Global Trends...).